

I

Раса — человек. Пол — мужчина. Подданство — гражданин мира...

Нет, речь не идет ни о полетах через гиперпространство, ни о звездных войнах, ни о параллельных мирах. Никакой мистики. Все совершенно реально. Реальнее и представить себе нельзя. Просто именно эти три понятия первыми пришли мне на ум, когда я появился на свет. Никто мне про них не говорил. Сами взяли и пришли. Как некая данность, не требующая доказательств. Как три опорные точки, отталкиваясь от которых я должен был включиться в процесс познания объективной реальности, существующей независимо от моего сознания и данной мне в ощущениях. В процесс я включился активно. Если бы я знал тогда, каким сложным и болезненным этот процесс окажется, может быть... Впрочем, разве у меня был иной выбор?

Рождение на свет нового человека — это всегда событие. Часто — радостное; порой — не очень; время от времени кое для кого даже весьма огорчительное.

Кто-то обрадовался моему рождению? Ответа на этот вопрос я не знал. Поэтому был склонен считать, что не обрадовался никто. Лишние хлопоты врачам. Лишние хлопоты работникам милиции. Конечно, у каждого, при условии, что тот не законченная скотина, появляется кто-то, кого будет радовать его существование. Кто-то, кто даже прошепчет ему на ухо: «Как хорошо, что ты есть...» И теплота этих слов еще долго будет ощущаться

мочкой уха. Но все это происходит далеко не сразу... Потом... Со временем... Если до этого времени будет суждено дожить.

Огорчило ли кого-нибудь мое рождение? Пожалуй, да. Кое-кого огорчило. Но об этом я тоже узнал гораздо позже. А тогда, если бы мне пришло в голову сложить вместе все «за» и «против» и поделить на их количество, то вышло бы, что мое рождение было событием так себе. Рутинным рабочим моментом для тех же врачей или работников милиции. Таким рутинным и таким рабочим, что журналисты трех наиболее крупных местных информационно-периодических изданий («бб-канал», «РИО-город» и «Новости города») обошли этот момент полным молчанием. О более мелких газетенках речь вообще не идет.

А ведь могли бы ради приличия черкнуть пару строк в рубрике «Происшествия». Что-то вроде: «В понедельник на берегу реки, в районе старгородского моста, обнаружен...» Впрочем, журналистов понять можно.

Так уж вышло, что мое рождение совпало с другим, действительно значительным в этих краях, событием: один из местных активистов «оранжевого» движения, господин А, в знак протеста против назначения нового председателя областной налоговой администрации, господин Б, на глазах у редких, спешащих по своим делам прохожих облился бензином и хотел поджечь себя. Не вышло. Что-то у него там не сложилось. То ли бензин оказался слишком суррогатным, то ли китайская зажигалка отпуск за свой счет взяла. Зато все местные газетчики долго и под разными углами обсасывали этот казус, так что на другие происшествия им не хватило ни времени, ни сил.

Не стоит думать, что я расстроен из-за недостатка внимания. Тоже невидаль — такой тип, как я. Таких где угодно можно встретить. И не только возле старгородского моста. Люди обливаются бензином гораздо реже. Особен-

но при нынешних ценах на него. Куда как проще с девятого этажа да фэйсом о мостовую. Дешево, быстро и сердито. И зажигалки не требуется.

Разумеется, про мост через реку, про зажигалку господин А, про топливно-энергетический кризис и прочее я тогда и знать ничего не знал. Мои первоначальные действия были обусловлены исключительно рефлексами, а отнюдь не знаниями, что как раз и давало мне право соотносить себя с новорожденным, за исключением момента, когда я осознал, что я — это я, а они, то есть все остальные, — это они. Но происходило это, правда, не в роддоме, а в отделении общей неврологии городской психоневрологической больницы.

Вы спросите, а как я сам отнесся к факту своего рождения? Скажу честно: оно, рождение мое, меня озадачило. Мне почему-то казалось, что все происходит как-то не так, как должно происходить. Налицо была явная патология, но в чем именно она выражалась, я, конечно, объяснить тогда не мог. Я это просто чувствовал.

Еще со мной рядом не оказалось мамы, нежной, ласковой мамы, которая прижала бы меня к себе, сунула бы в рот свою теплую, лопающуюся от молока сиську и сказала бы, как меня зовут. Не то чтобы мне хотелось кушать, скорее даже наоборот — тошнило, но дело было в принципе: у всех мамы есть, а у меня нет.

Вместо мамы ко мне приходили до умопомрачения чужие существа в белом, что-то говорили, засовывали в мой рот какие-то круглые горькие штучки, которые мне приходилось глотать, больно кололи иглами руки, потом заставляли ложиться на живот и опять кололи. Вскоре появился еще кто-то, но уже не в белой одежде, а то ли в синей, то ли в серой. На голове у него был странный головной убор: та часть, что непосредственно соприкасалась с головой, — красная, а та, что была выше и расширялась, — опять-таки сине-серая, мышинная. А посреди красного

была блестящая штука, которую мне захотелось пощупать, только не было на это сил.

Возможно, я ошибаюсь, но помнится, что у меня в голове возник следующий стишок:

Стрёмный флэт, силуэт.
 Пипл, пипл, что за зверь
 в серой шкуре у дверей?
 Ба, да это ж мент, в натуре!
 А за ним еще менты...
 Вот и все: кранты, винты *.

Естественно, в тот момент смысл четверостишия был совершенно непонятен, поэтому я был склонен считать его как нечто доставшееся мне от одной из прошлых жизней.

Сине-серо-красное существо меж тем склонилось надо мною и бесцеремонно посмотрело прямо в глаза, выражая тем самым желание познакомиться. Я тоже посмотрел существу в глаза. Они были усталые, воспаленные, а на коже вокруг них было уймаще морщинок.

Существо два раза кашлянуло в кулак и произнесло:

— Добрый день.

Голос был глубоким, сочным, что вызвало по отношению к пришельцу некоторую симпатию. Не люблю, когда голоса напоминают дребезжание пустой консервной банки, привязанной к кошачьему хвосту.

«Привет, привет», — ответил я, правда, исключительно про себя, потому что открывать рот не было желания.

— Капитан милиции Бражко Семен Терентьевич. Мне поручили провести проверку по вашему случаю.

«Ну давай, давай, проводи свою проверку. Раз уж поручили».

— Вы помните, что с вами произошло?.. Как вы здесь оказались?

* Стихи А. Полярного. (Примеч. авт.)

«Забавный поворот! Я-то как раз полагал, что именно ты и расскажешь, что же со мной произошло и как я здесь оказался. И вообще, «здесь» — это где?»

— Вы слышите меня?

«Слышу, слышу. Не видишь, что ли? Моргаю. Значит, слышу».

— Вы можете мне сказать, кто вы?.. Назвать свое имя?

Разговор быстро перестал быть интересным. Существо, назвавшееся капитаном милиции Семеном Терентьевичем Бражко, не знало, с кем оно разговаривает. Не могло назвать меня по имени. О чем тогда было с ним толковать? Потеряв интерес, я почувствовал навалившуюся усталость; веки утяжелились раз в двадцать и без всякого вмешательства с моей стороны опустились, оставляя капитана Бражко по ту сторону тьмы. Некоторое время в этой тьме еще слышались голоса.

— Это он от уколов еще не оправился. Я предупреждала: рано вы к нему... с расспросами... Черепно-мозговая травма — это вам не синяк на коленке. Приходите дня через три-четыре, — говорил кто-то женским голосом.

— А через четыре дня он будет в состоянии беседовать?

— Полагаю, да. Организм здоровый, крепкий. Но лучше, если я позволю вам и скажу, когда можно приходить. Договорились?

— Вы позволите, я сниму отпечатки его пальцев? Надо проверить...

Что хотел проверить Бражко, я уже не расслышал. Помню только, как мою руку взяли и потянули куда-то в сторону и вверх. Что-то липкое прислонилось к ладони. На этом месте я окончательно провалился в сон и больше ничего не слышал.

Через два дня мне действительно несколько полегчало. Силы возвращались. Туман в голове таял. Мысли стали четкими, оформленными. Скоро я уже точно знал, что,

в отличие от других новорожденных, имею достаточно взрослое тело и, исходя из этого, в маме совершенно не нуждаюсь. Огорчало другое: как и остальные новорожденные, я абсолютно ничего не помнил о своем предыдущем воплощении. Кем я был в нем? Как меня тогда называли? Кого любил? Кого ненавидел? Чего добивался и о чем мечтал? Даже имени и того не было, поэтому все, с кем я имел дело, называли меня официально: либо «пациент», либо «потерпевший».

Все это время мне интенсивно кололи какую-то гадость для улучшения кровообращения мозга. Это, как объяснила лечащий врач (с очень смешной фамилией — Заяц), нужно было для того, чтобы ко мне вернулась память. Не думаю, что она меня обманывала — после курса инъекций память действительно стала возвращаться. Проблема была в избирательности такого возвращения, ибо это была память не столько обо мне и моей прошлой жизни, сколько об окружающем мире. Так, например, я понял, что могу о себе позаботиться, что вовсе не являюсь пресловутой «*tabula rasa*», на которой можно выводить какие угодно граффити. Постепенно я вспомнил название страны, в которой жил, вспомнил, что для жизни в этой стране, равно как и в любой другой стране мира, надо иметь деньги — такие разноцветные, радующие глаз хрустящие бумажные листики. Вспомнил, что для того, чтобы иметь эти листики, надо либо работать, либо как-то их отбирать у тех, кто работает... Что люди как раз и делятся на две категории: лохов и элиту, то есть на тех, кто работает, и тех, кто отбирает, потому что, если не работать или не отбирать, можно запросто подохнуть с голоду. Не зная даже приблизительно, к какому разряду (к работающему или отбирающему) принадлежу, я все же был в курсе, что в мире существуют пластиковые карточки «виза-электрон», космические челноки «Челленджер», за милую душу взрывающиеся на первой минуте после старта, и трижды не нужный лично мне «Макдоналдс». Я вспомнил, что Вена — столица